

И.Е. Задорожнюк

Современная гуманитарная академия,
ответственный секретарь журнала
«Социология образования»,
доктор философских наук

Сегодняшнее освоение Севера — в общероссийском и в планетарном масштабах — имеет много измерений. В принципе оно непродуктивно и даже невозможно, если не разрешатся вопросы более широкого порядка относительно статуса человека в этом крайне сложном для жизни регионе и его связи с остальной Россией и всем миром, а также относительно нужных для этого социальных технологий.

Все же, фигурально говоря, вопрос о том, как здесь жить, предшествует вопросу, что осваивать. И тогда окажется, что Север обладает большим потенциалом в плане переустройства жизни на всей планете, и в первую очередь по оси Восток — Запад. Нет сомнений в следующем: если данное переустройство как предпосылка того, что можно назвать неэгоистической глобализацией, состоится, то ключевую роль в нем сыграет Россия.

Север (а если учитывать Аляску 18-го века — то и циркумполярная зона в целом) всегда притягивал русского человека и российского гражданина, а также иностранцев, соучаствовавших в его освоении, что отражено и в географических названиях. Это во многом уникальный и социально значимый опыт освоения крайне сложных для жизни акваторий и территорий, явивший собой пример продуктивного сотрудничества представителей самых различных этносов. Именами голландца В. Баренца (1550 — 1597, умер возле Новой земли, а его команда была спасена русскими поморами), датчанина В. Беринга (1681 — 1741, офицер русского флота, умер в ходе второй Камчатской экспедиции), С. И. Дежнева (1605 — 1673), С. И. Челюскина (ок. 1700 — после 1760) названы моря, проливы земли, крайние географические точки континента в границах Российской Федерации.

Векторы данного освоения подвергались многостороннему осмыслению, включая философское со значимой рефлексивной составляющей. Один из подходов в рамках последнего представлен, хотя и крайне пунктирно, в многогранном творчестве Николая Федоровича Федорова (8 июня 1829, с. Ключи, Тамбовской губ. — 28 декабря, 1903, Москва), ряд идей которого лишь начинает быть востребованным в полной мере в новом тысячелетии. Одна из причин того, что они были предметом обсуждения лишь в довольно узких кругах специалистов, заключается в следующем: этот мыслитель выражал некоторые свои всеохватные умопостроения (включая даже главное из них — идею воскрешения отцов и связанного с ним освоения околоземных пространств) крайне лапидарно, часто в форме всего лишь газетной статьи. Вторая причина — проектный характер мыслей Федорова, когда исходное явление в его анализе не отбрасывается, а переконструируется под более высокую идею. В-третьих, отечественный мыслитель по-особому сопрягал развитие науки и технологии, с одной стороны, и социальных процессов и моральных начал, с другой. Во многих отношениях он предвосхитил разработку и современных социальных технологий, всегда ставя акцент на ведущих месте в них человека.

Эти и ряд других причин невосприимчивости идей Федорова привели к тому, что целые пласты его наследия в полной мере не только не осмыслены, но даже и не раскрыты на содержательном уровне несмотря на то, что его труды в основном изданы и обстоятельно прокомментированы С.Г. Семеновым и А. Г. Гачевой (Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4 томах. М., т. 1 — 1995, т. 2- 1995, т. 3 — 1997, т. 4 — 1999, Дополнения — 2000; в дальнейшем цитаты будут приводиться по данному изданию, первая цифра -том, вторая — страницы).

Так, в некую информационную пропасть между крупнейшими мыслями и делами его жизни: закреплением прошлого (реконструкция в храмах и музеях культа и жизни предков как общечеловеческого дела) и преобразованием настоящего как предпосылки надземного будущего (с опорой на науку и проектное мышления, данная идея послужила одним из главных источников русского космизма) нелегко отыскать его крайне креативные идеи о современном ему геополитическом статусе Российской империи и средствах его укрепления. Это целый пласт оригинальных умопостроений по линиям Россия — Запад (Европа и ее «реплика» — Соединенные Штаты Америки), Россия — Восток (в основном Китай и Индия), Россия — Юг (в первую очередь мусульманский — западнее Памира), наконец, Россия — Север (освоенный и подлежащий освоению).

Тема Восток — Запад является сквозной и формообразующей для всех идей Федорова, но он только намечает продуктивность их встречи на

Севере, что даже сегодня выглядит суперпарадоксом. Вопреки обычным представлениям, радикальным для него предстает как раз Восток, Запад же — терпеливо стабилен, а Россия является преломлением этих двух умонастроений и способов деятельности. Креативность и рефлексивная значимость высказанных идей философа, родившегося 180 лет тому назад и умершего в начале 20го века — незадолго до острого и предсказываемого им конфликта по линии Россия — Восток (Русско-японская война, 1904 — 1905), — сомнений не вызывает.

Надо отметить, что они в малой степени привлекли внимание даже знавших основные идеи Федорова евразийцев, для которых геополитические умопостроения были ключевыми: ни Н. С. Трубецкой, ни П. П. Сувчинский, ни даже географ П. Н. Савицкий, разрабатывавший проблематику Евразии как срединного материка и особого географического мира со своими геоэкономическими, геополитическими геоэтнографическими и даже георхеологическими измерениями, не обратили на них должного внимания, хотя активно осваивали творчество своего раннего современника (их суждения приведены в книге: Н. Ф. Федоров. Pro et contra. СПб., 2008, тт. 1- 2).

Остановимся на тех его работах (главным образом извлеченных из архивов и впервые опубликованных в вышеуказанном четырехтомнике), где затронута проблематика Севера — с увязкой с проблематикой других линий в отношениях России с окружающим ее миром. Прежде чем углубиться в их содержание — крайне небольших по объему в рамках газетных статей (не принимаемых столичными изданиями и не всегда доходившим до изданий провинциальных, где они все-таки появлялись), наполненных провидческими мыслями и даже проектами, — отметим, что сегодня интерес к Арктике и способам ее освоения растет ускоренными темпами. Это вызвано рядом причин, включая в первую очередь наличие здесь огромных энергоресурсов (на ее шельфе находится до 13% неразведанных запасов нефти и 40% природного газа) и новые возможности Северного морского пути, связанные как с общим потеплением, так и — в большей степени — с расширением технического потенциала судоходства. Все это известно не только специалистам, но и читателям сегодняшних газет (кстати того источника информации, который высоко ставился не только Н. Ф. Федоровым, но и таким ярким политическим мыслителем как поэт Ф. И. Тютчев, разрабатывавшем линию Россия — Запад).

В формате газетных статей и были написаны несколько трудов Н. Ф. Федорова, где в крайне широком геополитическом контексте и на уровне проектного мышления с глубокой рефлексивной составляющей освещается перспектива развития (российского) Севера.

Первая по времени заметка появилась вскоре после начала строительства Транссибирской магистрали (написана весной 1894 г., извлечена из архива и под названием «В защиту дела и знания» помещена в т.4, с. 145). Федоров пишет: «С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, но и северных и южных окраин, ибо исследуется Карское море, устье Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли».

Столь широкую трактовку функций данной дороги — масштабного российского проекта, который можно сравнить в XX веке лишь с освоением космоса — не давал никто, не повторял ее в полной мере и сам Федоров в более поздних трудах. Фактически данную дорогу можно, по его логике, рассматривать как конечный пункт того сосредоточения России, о котором говорил канцлер А. М. Горчаков и которое было прервано войнами и революциями в XX веке («Россия не угрожает, она сосредотачивается»). На обоснование необходимости ее постройки ориентировался и другой государственный деятель — выходец из остзейских немцев с голландскими этническими корнями С. Ю. Витте, причем на всех ступенях своей политической карьеры.

«В деле построения всей дороги может объединяться вся деятельность власти. Комитет Сибирской дороги (к коей присоединяются как ее части дороги на Котлас, Архангельск и особенно Мурманск) станет не *Комитетом лишь министров, а Советом государственным*» (там же). В данной части фрагмента нужно в первую очередь отметить акцент на северных ответвлениях континентальной железнодорожной магистрали. Особо следует подчеркнуть, что одним из конечных пунктов северных ответвлений является Мурманск (до 1917 года называвшийся Романовым-на-Мурмане, планы его основания были разработаны в 1870-е годы, а с 1914 г. через него шли грузы от союзников России по Антанте). Внимание к Мурманску (его название шло от анаграммированного «норманны») с этого времени у Федорова постоянно нарастало, хотя документальных свидетельств об этом крайне мало.

«Заведование переселениями — это первое, что должно быть присоединено к Комитету Сибирской железной дороги», — заключает Федоров свою заметку, подчеркивая, что по линии и ответвлениям надлежит устраивать храмы и школы, «т. е. полагая просвещение в основу каждого поселения, насаждая промыслы как зимнее занятие» (там же).

Федоров писал, что железнодорожным ответвлениям от Транссибирской магистрали предстоит стать центрами консолидации социальной

жизни, где в первую очередь должны быть построены церкви и храмы. Однако по линии, по крайней мере, северных ответвлений и храмы, и школы были, на что Федоров не указал. Кроме того у него трудно обнаружить даже упоминания о малочисленных северных народах (по крайней мере в рамках четырехтомника).

Отметим, что в их этнической картине мира храмом и школой выступает вся окружающая природа. Наличествующее, по слову Федорова, небратское отношение к этим народам (да и к населяющим Север русским) сегодня почти преступно, поскольку без их уникальных и накапливаемых веками знаний об этом храме освоение (трактуемое как бесконтрольное приобретение в частную собственность) может привести (и уже приводит) к экологическим катастрофам. Уникальные знания этих народов о выживании в экстремальных условиях (за которые некоторые местные этносы заплатили почти полным вымиранием) лишь предстоит использовать в полной мере. Важен опыт и представителей русского и других этносов, начиная с поморов — выходцев из древнего Новгорода, и заканчивая поселенцами, по своей и не по своей воле проживавших на Севере и в Сибири.

Север предстает в этом плане как некая лаборатория продуктивного сожительства народов, по-новому выстраивающих свои отношения как к природе, так и между собой — без разновидностей любого эгоизма, по-братски. Опыт же малочисленных народов Севера может пригодиться для освоения других экстремальных территорий и даже космоса, поскольку они накопили большой опыт выживания в условиях эмоциональной депривации. Данный опыт лишь предстоит изучить в полной мере с учетом момента регуляции природных процессов, как они описывались Федоровым.

Следующие фрагменты представлены в третьем томе на страницах 301 — 302 и 371 — 389. Однако эти фрагменты вмонтированы в весь корпус научных мыслей Федорова, например, ключевая заметка «О полярной столице» прямо соотносится со статьей «О сухопутных и морских обходных движениях как факте и как проекте, т.е. о сухопутной воинской (сельской) повинности и морской (крейсерство) с двояким употреблением оружия». Эта статья с таким большим названием является одной из ключевых в фундаментальном труде «Философия общего дела» (т. 1, с. 175 — 193). Можно обнаружить и другие соответствия данного и последующих фрагментов с материалами первого и второго томов, впервые изданных соответственно в 1906 и 1913 годах.

Время написания следующей статьи «Распределение задач всемирной регуляции природы» с точностью не установлено, хотя можно отметить одну граничную дату — 1899 год, когда молодой русский император выступил одним из инициаторов проведения Гаагской мирной конференции.

Это полузабытая страница истории отечественной и мировой дипломатии, а рассматриваемая ниже статья может очень проективно значимым комментарием к ней.

«Что скрывается, что готовится под всеобщим приготовлением к войне? — ставит ультрапарадоксальный вопрос Федоров в самом ее начале. — Не изумительно ли будет, если народы, подготовившись к взаимному истреблению, окажутся союзниками в деле всеобщего воскрешения? Не менее и даже более будет изумительно, когда люди, вооруженные тем оружием, которое вместо взаимного истребления может спасти от смерти, употребив это оружие на взаимную гибель, вызовут грозу, которая истребит оба враждующие войска!» Это лейтмотив едва ли не доброй половины работ Федорова; специфика данной работы в том, что ответ на данный вопрос увязывается с геополитической проблематикой — и в глобальном, и в континентальном масштабе» (т. 3, с.301). Далее идет рассказ о том, как воинская команда по собственному почину спасла Оренбург от взрыва порохового погреба, прикрыв во время страшного пожара пороховой погреб своими телами. Воины и средства вооружения должны и в дальнейшем активнее подключаться к борьбе против голода, язв и смерти, превращая всеобщее истребление во всеобщее спасение.

Это общее дело планетарного масштаба, и вот — по логике Федорова — почему: «Человечеству, объединенному в деле мирного применения всеобщей воинской повинности, предстоит вместо войны народов и рас друг с другом следующие военные действия: 1) борьба на два фронта, северный (полярный) и южный (тропический), с обходным движением против последнего, причем это движение будет иметь в тылу у себя стужу южного полюса; 2) борьба на два фланга: восточный (край засух) и западный (край ливней и наводнений); и наконец, 3) атака центра, «кровли мира», пустынного, холодного Памира, как завершение обходных движений уже не против ислама, а против ига тропического зноя» (там же).

Федоров подчеркивает, что только с Англией может быть заключен союз для данной борьбы — не с каким-либо народом, а с той силой, которая в одних местах убивает жизнь холодом, а в других жаром, причем как с европейскими, так и с американскими англичанами. Одна из причин в том, что они — как и Россия — могут вести борьбу на два фронта: с одной стороны, приближаясь к полюсу северному (особенно США), а с другой — к экватору (европейские англичане из двух полуостровов Ост-Индии и на истоках и озерах Белого Нила).

В союзники могут быть взяты и китайцы как народ, способный переносить экваториальный зной. «Атака центра, кровли мира, Памира, поднимающегося до высших холодных слоев атмосферы, есть атака, надо полагать, центрального для регуляции места, так как холодный Памир (в

обширном смысле), лежащий над знойною Индией и Индийским океаном, не отделяющимся от Южного Ледовитого, занимает середину между экватором и полюсом как в одном направлении, так и в другом, будучи расположен между Западным и Восточным океанами. Отсюда, т.е. с Памира, и надо действовать, чтобы спасти и Китай от наводнений, и Европу от засух» (с. 301). То, что можно назвать теорией Памира — одна из мало разгаданных загадок геополитической мысли Федорова; упоминания об этой высшей точке (горной плоскости) земного шара можно постоянно встречать в его работах.

Какова же роль в этих продвижениях Севера? На нем Россия — естественный примиритель конфликтующих сил на юге (в то время Италии и Абиссинии, в XX веке множества более масштабных конфликтов, достаточно вспомнить войну между Индией и Пакистаном) — играет куда более активную роль.

«Россия на всей своей длинной северной границе соприкасается с такой полосой или страной, в которой то, что служит к взаимной борьбе, так быстро истребляется, что уже пора подумать о совокупном действии, чтобы вызвать истребленную жизнь. В этой полярной стране, кроме России, сходятся два родственного врага — европейские англичане и американские; последним Россия уступила свои владения в Америке и тем, будем надеяться, приобрела союзника не против европейских англичан или кого бы то ни было, а союзника в борьбе с полярным холодом: это северный фронт будущего человечества» (с. 302). Такой экологически конструктивной трактовки знаменитого приобретения Аляски нет ни у кого из политических мыслителей. Надо отметить, что опыт продуктивного сожительства русских поселенцев с алеутами Аляски был в полной мере востребован уже повзрослевшей Америкой после покупки этого штата. По крайней мере, четко выраженной и благочестиво оправдываемой линии на их истребление или резервации — как в континентальных штатах Америки происходило с индейцами — там не наблюдалось.

Англия с европейскими народами и на жарком поясе встречает того же полярного врага, достигнув Памира, Россия же не может не устремляться к югу. Их встреча должна положить начало братскому единению народов. Это сформулированный Федоровым императив геополитики конца 19-го века не реализовался в 20-м веке — времени ожесточенных конфликтов по всем векторам и параметрам; для его воплощения отведен следующий 21й век, причем местом такой встречи становится не только Памир, под и через который проходит Великий шелковый путь, но и Север.

Заключительный параграф статьи содержит целую программу такого воплощения в качестве поистине общего дела всех народов, начиная с русских и англичан, с дальнейшим присоединением немцев и францу-

зов, а также народов других континентов. «Россия, заменив нынешнюю северную столицу полярную, у незамерзающего Варангерфиорда, вместе со всем христианско-европейским человечеством откроет новую борьбу на два фронта: с экваториальным, тропическим жаром с одной стороны и с полярным холодом — с другой. Для России прежние два фронта, кочевая Азия и городская Европа, заменяются борьбой с набегами степных, сухих ветров Азии и влажных ветров Европы. Россия, носящая четверное иго, иго тропического зноя летом и иго полярного холода зимою (а последнее иногда и поздней весной, и даже летом), нося вместе с тем и иго океана с Запада и иго материка с Востока, Россия без зависти и даже с радостью может смотреть на распространение Англии и к полярным, и к тропическим странам. Россия будет с радостью смотреть на распространение не Англии только, но и Франции, и Германии, и других государств, соприкасающихся как с полярными странами, так и с тропическими. Дело общее, братское, сыновнее, отеческое не знает зависти; оно дышит одною любовью. Ужели же не подаст ему благословения Бог любви, Отец небесный?..» (с. 302). Варангерфиорд по-иному именуется Варяжским заливом; с одной стороны он ограничен полуостровом Рыбачим, а с другой полуостровом Варангер; на его берегах была и есть церковь Бориса и Глеба — по имени двух убиенных братьев как напоминание о необходимости устранить небратские отношения для общего дела.

Небольшой фрагмент касается меткого наблюдения о добыче золота, как факторе, преобразующем экономики и открывающем новые горизонты человеческого единения. «Новое время начинается открытием южноамериканского золота (Перу) и североамериканского золота (Мексика). Новейшей время, 19 век, знает сибирское золото, калифорнийское, южноафриканское и, наконец, полярное золото (Клондайк). <Но и > полярное золото есть ли последнее?..» (с. 371). На наш взгляд, этот фрагмент ориентирует не только на поиск новых золотосодержащих земель, но и на поиск золота идеального для сплочения человечество в общем деле.

Еще один фрагмент связан с осуждением обмана в политике, жертвой которого стала Россия. Он иллюстрирует как сильная тоска Федорова по всечеловеческому единению — больше даже, чем у Достоевского — дополняется острой до истеричности заботой о сиюминутных интересах России, пониманием того, что ее повседневный и тяжелейший труд — это разборка завалов и ловушек, которые ставятся как Востоком, так и Западом. Например, трагедия Крымской войны, в ходе которой Россия подвергалась давлению со стороны как Востока, так и Запада, была воспринята им, как и Л.Н.Толстым, в качестве личного горя.

Поводом к данной заметке послужили события 1900 года, когда китайские войска блокировали посольский квартал в Пекине. Войска

под командованием русского генерала первыми пришли на помощь его обитателям, которых не смогли защитить войска Запада. И вот вполне разумный комментарий русского мыслителя, актуальность которого не теряется и до наших дней: ведь современная Россия столь же часто получает в воздаяние за добро пренебрежение — достаточно вспомнить политическую «благодарность» Дж. Буша-младшего за помощь США после 11 сентября 2001 года. «До сих пор мы были посредниками между Западом и Китаем в постоянной вражде между собою находившимися. Теперь же после того, как по наущению запада совершили подвиг — среди мира (в мирное время) разрушили китайский город, мы приобрели в Китае славу самого коварного народа, не приобретя доверия Европы, а лишь насмешку на наше крайнее простодушие» (с. 379)

Следующий фрагмент по видимости противоречит генеральной линии рассуждений Федорова о Транссибирской магистрали: в нем описываются связанные с нею риски и угрозы. Таковые действительно были и есть — как они есть в любом продвижении в новые пространства (в 20м веке в космические — и они чреваты саморазрушительными для человечества конфликтами). Эти угрозы связаны с развитием железнодорожной сети в России — но под иностранным контролем. Рефлексия относительно контроля в данном направлении приводит к следующему выводу: «Торжество Запада обеспечено. Последним ударом, смертельным, нельзя не признать построение двух следующих дорог: северной, проводимой по малонаселенной финской (зырянно-вотяцко-пермской) стране до соединения с Сибирской, а другой — по враждебному Велико-россии западному краю до Черного моря. Благодаря этим двум дорогам Центральная Россия, уже истощенная, обратится в *захолустье*, каким она была до начала Москвы. Сибирская дорога, которая для русских переселенцев доставляла лишь землю для могил, а неумерших отправляла назад, умирать на родине, конечно, станет гостеприимною для немецкой колонизации, найдутся земли не для могил, а для жилищ с щедрыми наделами» (с. 380 — 381).

Пристальный взгляд на этот фрагмент показывает, что Федоров вовсе не отказывается от высказанной выше идеи соединения посредством железных дорог западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, более того — сближения Карского моря, устьев Оби и Енисея с севера и Алтайских и Саянских гор с юга. Более того, его мысль о том, что Транссибирская великая дорога представляет собой завершение объединения Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли для общего дела, получает апофатическое доказательство (подтверждение через отрицание). Дело в том, что Федоров подводит к мысли относительно русского торжества над указанными

дорогами — лишь тогда они станут поистине братским делом для всех, включая немцев.

Фрагмент 1902 года фиксирует «необыкновенное усиление Северо-Американских Штатов, недалеких от того, чтобы всю Великобританию присоединить, как особый новый штат, — а с другой — глубокий упадок континентальной России, пораженной в самом центре истощением и в самых окраинах одолеваемой, забираемой инородцами; т.е. падение 3-го Рима и возвышение всемирного Карфагена. Сюда нужно причислить <и> объявление немцами войны славянам внутри <немецкой> империи, чтобы потом обратиться против славян, вне империи прозябающих. Между 3-м Римом и Новым Карфагеном находится Германия в ее тройственном союзе. Но этот тройственный союз разлагается, благодаря двойственному: Италия притягивается Францией, а Австрия начинает тяготеть к России и очень сблизится <с нею>, если сделается славянской. Германия, оставшись в одиночестве, сблизится с двумя Британиями, или даже с тремя, т.е., кроме Европейской и Американской, еще <и> с Азиатскою, т.е. с Япониею. Эта-то вражда четырех могущественных врагов и может вызвать жизнь в России» (с. 382). Известно, что данные противостояния завершились Русско-японской войной 1904 — 1905 гг., до которой не дожили, но которую пророчески предсказывали не только Федоров, но и В. С. Соловьев.

Описывая кроме этого противостояния метеорические катастрофы, включая гибель людей от землетрясений, он ставит вопрос о невнимании к общему врагу всех народностей и сословий. «Но и этот враг есть враг *временный* (но презлой), а друг *вечный*, ибо та же природа и в разумной и в неразумной силах. Чем же должно окончиться это размирие? Разумная ли сила будет управлять слепую или слепая уничтожит разумную? Погруженным в постоянную вражду людям некогда заняться этим вопросом. Что могут сделать люди в совокупности при нынешней возможности соединить свои силы, благодаря нынешним средствам сообщения? Такой вопрос не удостоивается разбора. Вопрос об обращении орудий истребления в орудия спасения составляет только часть вопроса об отношении разумной силы к неразумной, соделавшейся особенно безжалостной и злой [в] нынешний год» (с. 382 — 383).

Наконец, обратимся к главному труду Федорова, задающему угол зрения на его философию Севера в целом. Это статья «О полярной столице», поражающая воображение своей креативной парадоксальностью, глубокой рефлексивностью и ориентацией на проектируемость будущего.

Первый ее абзац сразу же вводит в курс общего дела в его северном ракурсе, причем вся статья наполнена как и богатыми смыслами, так и новыми — и столь же кажущимися лишь на поверхности — противоре-

чиями. «Для нас, отрезанных от океана, запертых в Балтийском, Черном и Японском морях, для нас есть один только выход в океан, выход у Студеного моря, в никогда не замерзающих заливах Рыбачьего полуострова, в бывших владениях Троицко-Печенгского монастыря, сожженного шведами (1590 г.), основанного св. Трифоном, апостолом лопарей, на границе Западного (Атлантического) <океана> с Северным, или, вернее, на первом, чем на последнем, потому что Рыбачий полуостров омывается Гольфстримом. Только временная *морская* столица, столица-порт, как конечный пункт Владивосточной трансконтинентальной дороги, может нас избавить от англо-немецкого господства, надвигающегося на нас» (с.383).

Если в предшествующих работах и даже изложенных выше фрагментах Федоров допускал союз с англичанами — европейскими и американскими, то в предпоследнем и данном фрагментах он говорит о совместной угрозе с их стороны. Причина — все те же «наущения Запада», стремящегося использовать Россию в небратских целях — как это было в Китае с маршем на Пекин. Как известно, в начале 20го века это крупнейшая и независимая страна делилась на зоны влияния, и Россия оказалась втянутой в этот процесс. Но выгод от него России ожидать не приходилось, что Федоров отследил достаточно точно. «Дипломатическая англо-германская победа на дальнем востоке, в Китае, выразилась в построении крепостей и стратегических дорог в Маньчжурии, а также и в движении китайцев на Памир — с одной стороны, и с другой — в планах открыть себе путь в Сибирь, устроив железную дорогу от Хайпудырской бухты до Оби, чтобы, заведя флотилию на этой многоводной реке, отрезать азиатскую часть <России> от европейской и грозить Туркестану и Памиру, содействуя Китаю в занятии этой родины арийского племени» (с. 384). Нужно заметить, что Хайпудырская губа — залив в юго-восточной части Баренцова моря, а постройка соответствующей дороги осуществлена не была.

«Столица, перенесенная на перешеек или волоки между Мотовскою губою и Варангским заливом, имея передовой пост на мысу под 70° северной широты (на 10° севернее Петербурга и почти на 15° от Москвы), получит многообразное значение: заменив С.-Петербург, освободит Россию от западного влияния, но не Запад, а холод будет главным <врагом России>...» (там же). Конечно, наличие отмеченных Федоровым «главных и неглавных врагов» — крайне важные мотивы переноса столицы как проекта, осуществление которого и сегодня остается под большим вопросом. Можно лишь напомнить, что и такой проект, как перенос столицы в Санкт-Петербург, тоже оказался нелегким и потребовал для своего осуществления принципиально новых социальных технологий: чухонские болота были в 18м веке не меньшими препятствием. Оправ-

дывает федоровский проект сверхцель — братское объединение всех людей, включая «неглавных врагов» в общем деле; это же дело требует и внутреннего очищения самой России.

Мысль эта выявляется Федоровым чрез тщательный анализ наступивших и грядущих бед. «За голодом и моровою язвою, еще не окончившимися, нужно ждать войны. Первые два бича оказались бессильными пробудить нас. Война с океаническим Западом потребует перенесения столицы в полярные страны, к рубежу двух океанов, туда, где оканчивается Ледовитый океан и начинается Атлантический в виде теплого тока (Гольфстрима). Северная столица была протестом против внешнего благочестия древней столицы, а свое явное нечестие оправдывала иногда внутренним, т.е. мнимым благочестием. Холера показала явное нечестие этого города в виде интеллигентного класса, т.е. в высшей степени ограниченных людей, которые, принимая общество за организм, умерших — за экскременты, религию заменяют ассенизацией, а под лицемерным спасением целого общества разумеют спасение лишь головы, т.е. богатой интеллигенции, а с большинством (уподобляя их рукам и ногам), не смея обращаться по-астрахански,— т.е. хватая крючьями больных,— обращаются лицемерно, по-петербургски, предоставляя всем право оставлять больных у себя в дому, но на условии только купить себе врача и целую аптеку» (с. 384).

Обличение Петербурга — прерогатива не одного Федорова, раньше на него накликал беды писатель Ф. М. Достоевский, позже — поэт А. Белый. Но лишь русский философ ставит задачу перенесения столицы на Север для решения целого комплекса задач. «Перенесение столицы за полярный круг (на 10° на север от Петербурга и на 15° почти от Москвы), это движение от теплой страны к холодной, от легкого к трудному есть не эволюционное движение, само собой совершающееся, не слепой прогресс, а выражение сознания, противодействующего чувственному влечению. В перенесении столицы, центра, выражается *коренная перемена в жизни*. В переходе от умеренного в холодный прежде всего выражается вступление на высшую ступень самостоятельности. Предложения о перенесении столицы бывали. Для примера можно привести Барятинского, желавшего перенесения столицы в Киев. Иные желали возвращения Москве прежнего положения. Но обстоятельства указывают на иной пункт. Новая столица означает в настоящем случае самый важный пункт при все более и более обостряющейся вражде Англо-Германии к нам, если только взаимная их вражда не избавит нас на время от морских врагов.

Таким образом, новая столица имеет значение, во-первых, такого места, на которое и власть, и весь народ должны обратить преимущественное внимание, от коего зависит спасение Земли, так как крейсерство — эта

война с товарами — может лишить возможности вести войну не только Англию, но и Германию. Во-вторых, перенесение означает коренную перемену в жизни; эта перемена означает не сближение с Западом, как Петербург, не желание мнимого соединения в догмате, а соединения «в общем всех деле управления слепыми силами природы.» *Перемена* «в жизни» в *перенесении* «столицы» находит свое наглядное выражение. Как есть полюсы геометрические, магнитные, термические (наибольшего холода), так будет *полюс социальный* — полярная столица» (с. 384 — 385).

В целом ключевая идея статьи Федорова — связь двух портов на крайнем востоке и крайнем Севере России. Северные ответвления Транссибирской магистрали, их связывающей, предполагает возможность нескольких выходов на северное побережье Ледовитого океана (в статьях и фрагмента упоминаются Хайпудырская губа, зыряно-вотьяцко-пермские земли, устье Оби, Карское море), что имплицитно содержит идею о возможности их морского соединения.

Следует подчеркнуть, что прямых указаний на то, что первое транспортное полукольцо может быть дополнено другим, у Федорова практически нет. Одна из причин заключалась в том, что хотя русскими поморами акватория Баренцова моря была исследована еще в 15 — 16 веках, а к середине 17-го века русские мореплаватели практически нашли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий, проблема сквозного пути решалась лишь в конце 19-го века, тогда швед А. Э. Норденшельд в 1878 — 1879 годах прошел до Чукотского моря, а затем после зимовки до мыса Дежнева. Лишь в 1932 году Северный морской путь (в 1920е годы именовавшийся Северо-Восточным проходом) был пройден за одну навигацию. Имена многих полярников, включая Ф. Нансена (который позже включился в братскую работу, оказывая помощь русским эмигрантам), были Федорову известны, но контуры Северного морского пути им намечены не были.

Несмотря на то, что идея двусоставного транспортного кольца по периметрам российской территории Федоровым полноценно не обосновывалась и четко не высказывалась, его интуиции и рефлексия очень важны для понимания того, что это кольцо значит и для современной России, и для всего мира. Дело в том, что трактовки примеров А.И. Солженицыным русского Севера как резервуара национальной идентичности сегодня необходимы, но недостаточны. Необходимы — поскольку освоение Севера, особенно его побережья, должны строиться по матрице национального ума (недаром на этих землях родился М. В. Ломоносов), но во всеоружии общечеловеческих знаний.

Геополитические функции указанного кольца ясны до недвусмысленности: это граница, берегающая Россию, поэтому ее защита — дело первостепенной важности. Но это же кольцо — периметр сотрудничества

со всеми странами, круг которых будет расширяться: от имеющих прямые интересы в Арктике (Скандинавские страны, США, Канада) до всех европейских стран, а в дальнейшем Индии, Китая и Японии, а также тех стран, которые Федоров относил к мусульманскому миру.

Относительно последних нетривиальными являются мысли Федорова о роли Памира, как некоей крыши мира. В коррекции нуждаются ряд мыслей относительно враждебности примыкающего к Памиру мусульманской цивилизации. Федоров предполагал, что этот чреватый непримиримыми конфликтами регион следует обходить с Запада или с Востока. Еще более ценно его провидение относительно того, что данный и другие конфликты можно преодолеть с Севера, выстраивая там пути сообщения с опорой на социальные технологии. И в указанном смысле двусоставное транспортное кольцо России — мощная альтернатива Великому шелковому пути, который многие современные геополитики сравнивают с постоянно прерывающейся линией высокого напряжения. Поэтому общий вектор превращения Севера в зону сотрудничества получает все новые подтверждения.

С опорой на труды Федорова можно четче определить контуры и функции указанного двусоставного транспортного кольца России, одновременно защищающего ее и делающего более открытой. Дело в том, что такое кольцо крайне притягательно в плане не только оптимальных торговых путей, оно является опорой и в научно обоснованном освоении природных богатств Севера. Естественно, при условии, когда рента от них идет на освоение не лондонских кварталов и королевских дворцов, а на устройство жизни Севера как условия сохранения жизнеобеспечивающей все человечество природной среды. Свободный рынок с присущим ему бесконтрольным и экологически разрушительным по своим последствиям в этом деле расхищением богатств — путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью.

Характер задач, поставленных Федоровым, отличается высоким уровнем рефлексивности большой проектной мощью. Поэтому до сих пор вызывает недоумение крайне негативное отношение к нему и спектр обвинений: от апологии консервативного православия до союза с марксизмом. Все эти обвинения рушатся, если переходить на почву анализа его реальных проектов, например, северного. Необходимо выразить трансгосударственный и даже трансконтинентальный характер философии Севера как она просматривается через призму идей Федорова. Для нее характерно устранение не только личного, но и национального эгоизма, видение условий братского единения народов. Подобная цель не только не поставлена, даже значимость указанных идей лишь начинает осмысляться.

В своем докладе на VII Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» (октябрь 2009) математик Г. Г. Малинецкий обозначил контуры замкнутого порочного круга, в рамках которого современные отечественные чиновники игнорируют запросы современной техносферы, в то время как она не может включить таковых в себя вследствие их некомпетентности. Он же предлагает и технологический выход из этого круга, ставя вопрос: что может соединить Россию? В начале XX века эту роль выполнил Транссиб — проект Сергея Витте, тоже чиновника, причем самого высокого ранга. Сейчас нужна такая же Работа, но на другом уровне — проект высокотехнологичной транспортной системы. Если Русь возникла на пути из варягов в греки, то новая Россия, как говорил академик Никита Моисеев, должна возникнуть на пути «из англичан в японцы». Помимо всего прочего это 20 миллионов рабочих мест (Независимая газета. 28 октября, 2009).

Естественно, это касается и железнодорожного полукольца, и северного морского полукольца, недаром в лидеры ледокольного судостроения в настоящее время выходят немцы. Полная рефлексия относительно и этих полуколец, и кольца в целом не проводится, хотя приведенное выступление со всей определенностью указывает на ее необходимость, поскольку это кольцо может разорвать и вышеуказанный порочный круг.

Остается добавить, что мысли об этом кольце посещали не только Федорова. Назначенный весной 1889 г. начальником Департамента железнодорожных дел С. Ю. Витте выдвинул и активно поддерживал идею строительства Транссибирской магистрали — он же в конце 1898 г. активно продвигал идею и Северного морского пути. Став в 1892 г. министром финансов, Витте настаивал на форсированном финансировании строительства магистрали, не останавливаясь перед денежной эмиссией для этих целей. Дорога строилась с 1891 по 1916 г., однако конечный ее пункт — Владивосток — оказался связанным с центром через Восточно-Китайскую железную дорогу уже в 1903 году; Мурманска же она достигла в 1916 году, а в 1915 уже функционировал Мурманской морской порт.

Что касается второй идеи и способов ее реализации, то для ее обоснования и строительства ледокола «Ермак» Витте привлек ученого Д. И. Менделеева и флотоводца С.О. Макарова. Первый предлагал достичь конечной цели — острова Сахалин — через Северный полюс, второй высказывался за этот же путь по побережью (Витте С. Избранные воспоминания. М., 1991, с. 657). «Ермак» осуществил плавание лишь к островам Новой земли, полноценное освоение Северного морского пути началось только в 1930е годы.

В заключение можно привести два фрагмента из работ Федорова, как бы закольцовывающих тему Севера на более высоком — глобаль-

ном — уровне. Первый намечает перспективу всеохватной железной дороги и превращение Берингова пролива в перешеек. «Карфагеном 3-го Рима будет уже не Англия, не Германия, а Америка (которая из должника Европы стала кредитором, т.е. уже приобрела экономическое господство над нею, превратила в своего должника и благодаря войне с Испанией воссоединила Юг с Севером, т.е. восстановила свое внутреннее единство) в союзе с Австралией, а быть может, и с Японию. Если 3-ий Рим останется верен своей миротворной или союзотворной задаче (против слепой силы), т.е. чтобы не было нужды в 4-м Риме, то «дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену» через Русско-американский пролив, пролив летом, а перешеек зимой, требующая большой победы над слепой силою, — дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену будет Панконтинентальной дорогой, ибо ее ветвями будут: Африканская (строящаяся) и Панамериканская (проектированная) и, наконец, Австралийская через прерывающийся множество раз перешеек; [эти дороги] были бы верхом торжества железнодорожного дела» (с. 383).

В этих положениях можно обнаружить перспективу становления субъекта глобального развития — ту перспективу, которая не устраивает сегодня политиков, в частности, американских, стремящихся задавать темпы глобализации по своим «небратским» (по слову Н. Ф. Федорова) лекалам.

Последний фрагмент — часть материалов, собранных в небольшой рубрике «Самодержавие», утверждает настоятельность идеи сторожевого государства. В первую очередь в отношении к опоясывающему Россию транспортному кольцу, но и в значительной мере — «кругоокеанской дороге», о которой говорится в предыдущем фрагменте. «Обязательное сторожевое государство, устроенное для прямого и обходного движений, только тогда достигнет полного объединения (и станет возможным превращение войны в регуляцию), когда естественные пути, по коим совершаются эти движения, превратятся в искусственные, способствующие наиболее быстрому продвижению с Запада на Восток, и притом будут снабжены еще собирательными ветвями на Севере и Юге» (с. 389).

В заключение хотелось бы рельефнее выявить одну из важных мыслей, как бы зашифрованных Н. Ф. Федоровым: оказывается, местом продуктивной встречи Востока и Запада в значительной мере может служить Север (России). На это косвенно указывал величайший отечественный мыслитель конца 19го века, и это кристаллизуется во многих практически ориентированных инициативах начала 21го века.

Естественно, освоение Севера в этом столетии должно производиться с опорой на новые социальные технологии, важнейшим измерением которых является антропологическое. Это значит, что активная преобразующая деятельность здесь должна производиться с учетом параметров

научной обоснованности, выводимой в первую очередь из высоких образовательных стандартов и здоровьесбережения, что предполагает создание для этого комфортной природно-социальной окружающей среды.

Образно говоря, сегодня Север может осваивать только высокообразованный и здоровый человек, способный реализовывать свой потенциал профессионализма с привязкой научных знаний к местным условиям существования, выработкой для этой цели новых социальных технологий. Очень важны информационно-коммуникационные технологии, которые в принципе способны резко повысить качество жизни северян, начиная от экологического мониторинга и заканчивая обеспечением для них возможности получения качественного образования.

Специалист на Севере (и с Севера) был и остается лучше по многим параметрам по сравнению со специалистом среднероссийского уровня. Сегодня, однако, этого мало: он должен обладать не только высоким профессионализмом, но и широким социальным видением последствий своей деятельности в плане экологическом и антропологическом. В этом его долг как перед предками, которые осваивали Север и жили на нем, так и перед потомками, поскольку разрушение уже созданной антропогенной среды обитания здесь или неправильное ее функционирование чревато ускорением катастрофических последствий во всем мире.

Именно поэтому правомерна идея о том, что на Севере могут быть развязаны затянувшиеся до чрезмерности узлы по линии Восток — Запада, а также Запад — Юг и Восток — Юг. В данном предвидении и основанном на глубокой рефлексивности его осмыслении заключается пафос приводимых фрагментов из наследия Н. Ф. Федорова, побуждающих разрабатывать в рамках намеченного им вектора фундаментальные проблемы жизнеобеспечения всего человечества.

И есть все основания утверждать, что ученые-северяне и ученые, изучающие Север, в наибольшей степени способны осознать безальтернативность мирного и продуктивного сотрудничества в данном поистине общем деле — трансграничном и трансконтинентальном. А когда транспортное кольцо России станет полноценной трассой, для решения проблемы сборки стратегического субъекта глобального развития появятся новые шансы. И тогда фигура Н. Ф. Федорова предстанет в качестве провозвестника идей, востребованных новым тысячелетием.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 08-06-00262а)

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ И ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ВЫБОРА¹

В.А.Лефевр

Калифорнийский университет, США, Ирвайн,
профессор

Любая формальная теория выбора так или иначе включает в себя некоторое схематическое представление субъекта, принимающего решение. В первой половине двадцатого века эта схема была чрезвычайно проста. Скрыто предполагалось, что субъект неспособен анализировать ни свои собственные мысли, ни мысли других игроков. Поэтому игрок должен пользоваться принципом гарантированного результата, т.е. стремиться принимать такие решения, которые позволяют минимизировать возможные потери.

Принцип гарантированного результата позволил построить одну из прекраснейших теорий двадцатого века — теорию игр. Первый шаг к ней сделал Джон фон Нейман в 1928 году, доказав свою теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой. Следует отметить, что теория игр обрела не только нормативный характер (т.е. давала указания, как следует играть), но и предсказательный (т.е. указывала на наиболее вероятное поведение игрока). Пик популярности теории приходится на 50-60-е годы двадцатого века. В это время она становится основной референтной теорией принятия решений в условиях конфликта. Такие понятия как минимальный максимум, игра с нулевой суммой, смешанная стратегия, дилемма заключенного начинают употребляться не только специалистами, но и людьми далекими от математики — военными, дипломатами, политологами и даже журналистами.

¹ Пленарный доклад на VII Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление», 15-16 октября 2009 г., Москва, Институт философии РАН.